

Мы оба ждали, что другой заговорит первым, но, как назло, никто из нас не мог выдавить ни слова. Я отвел взгляд, поспешно опустил голову и едва заметно улыбнулся.

— Осторожно.

Он бережно опустил меня на пол и замедлил шаг. Его поступь была бесшумной — такой же легкой, как и его душа. Прежде чем я успел осознать это, бледно-коричневая тень оказалась совсем близко. Я же, уткнувшись в пол, лишь застенчиво улыбался, глядя на его белые сапоги с золотым шитьем.

Прошло шестнадцать лет, но он ничуть не изменился. Как и прежде, он приподнял мой подбородок указательным пальцем. Не знаю почему, но я не стал сопротивляться, как в детстве, а просто молча смотрел на него.

Неизвестно, сколько прошло времени. Я скосил глаза в сторону и притворно кашлянул, словно в горле застрял ком. Он никак не отреагировал — или, по крайней мере, я не понял, услышал ли он меня, — и продолжил изучать меня с ног до головы.

В конце концов, я не выдержал его глубокого, проникновенного взгляда. Чтобы не впасть в излишнюю сентиментальность, я слегка опустил уголки глаз и губ, и в моем голосе прозвучало нежелание расставаться, смешанное с мучительными сомнениями:

— Кхм, послушай...

— Прости, — он молча отступил на несколько шагов, повернулся ко мне спиной, снова сел на циновку, достал четки и погрузился в прежнюю тишину. — Был неучтив.

Надо сказать, я всегда питал слабость к антиквариату, и те четки в его руках с первого взгляда казались бесценным сокровищем. Я тихо подошел и присел рядом. Видя, что он продолжает игнорировать меня, я тоже взял с пола подушку, но не стал садиться чинно, как он. Напротив, я уселся как какой-то мелкий хулиган, постоянно меняя позу. Придвинувшись ближе, я разглядел, что четки сделаны из сандалового дерева, а в самом центре красовалась костяная бусина, похожая на маленькую булочку.

Я только хотел взять их в руки, чтобы рассмотреть получше, как он медленно повернул голову. Его холодный взгляд был лишен всякого блеска.

— Откуда у тебя эти четки? Сколько же ты за них отдал!

— Подарок старого знакомого... — Его взгляд стал мягче, он устремил его на изображение человека из племени Цан на фреске и замолчал на несколько секунд. В эти мгновения он, должно быть, снова предавался воспоминаниям. Мое первое впечатление о нем было таким: у него за плечами множество историй, множество страданий и множество скрытых мыслей.

Я тихо рассмеялся, мысленно окрестив его Мо Саньдо — Мо Три-Много, и, продолжая посмеиваться, подшутил:

— Что за слепой знакомый подарил тебе такую бесценную вещь? Если и подарил, то наверняка это подделка, он тебя просто надул!

Он перестал перебирать бусины, и его взгляд, острый, как лезвие, безжалостно вонзился в меня. Я не знал, что делать, хотел объяснить, что это была лишь шутка, что я не хотел его задеть. Но я понимал: он — человек холодный, и не только телом, но и душой. Наверняка, как и я, он не доверяет никому, а значит, мои слова для него — пустой звук. И все же, вопреки ожиданиям, он разозлился из-за моего неосторожного выпада. Хотя он не сказал ни слова и на лице его не дрогнул ни один мускул, его взгляд в тот момент был настолько пугающим, что я помню его до сих пор — отчетливо, до мельчайших деталей.

На его безжизненном лице застыли пустые глаза, казалось, способные источать ледяной холод полярных широт. Я невольно попятился, но он продолжал сверлить меня взглядом. Я споткнулся о подушку, рухнул на нее и, должно быть, выглядел перепуганным до смерти. Меня пробрал такой холод, что по коже побежали мурашки.

— Я... я... прости... прости, пожалуйста! Я не знал, что они так много для тебя значат! — Я уже нес полную околесицу от страха. А ведь я хотел прочитать его, понять, что у него на душе, пока Сюй Тай, который когда-то контролировал его, уже исчез, оставив лишь пустую оболочку.

Я зажмурился и отвернулся, ожидая, что он придет в ярость из-за своего знакомого и убьет меня так же легко, как когда-то в морге задушил призрака голыми руками. Возможно, ему даже не пришлось бы прилагать усилий. Сейчас, вспоминая об этом, я чувствую леденящий ужас — точно такой же, как при общении с людьми, которые улыбаются, но держат камень за пазухой.

— По-твоему, в этом мире не осталось ни одного хорошего человека?

— Я... — его вопрос застал меня врасплох. Но ведь это было правдой. Опираясь на опыт последних шестнадцати лет, я самодовольно пожал плечами: — Да. Взять хотя бы меня — живой пример. Посмотри, во что я превратился: пешка в чужой игре. Все используют меня, все против меня, а я даже не имею права знать правду.

Он выпрямился, на его лице читалось полное презрение, и он направился прямо ко мне. Я чувствовал, как он проходит мимо свечей, увлекая за собой потоки ледяного воздуха, которые со всех сторон обдавали меня могильным холодом.

Неприступный Мо Шанцин вдруг протянул руку и похлопал меня по плечу. В его жесте было столько высокомерия! Я медленно открыл глаза. Он протянул руку мне, я замер, не зная, как реагировать. Его рука слегка дрогнула, и это мгновенно привело меня в чувство.

Я протянул ему свою вспотевшую ладонь. Он, не колеблясь, крепко сжал ее и рывком поднял меня на ноги. При этом его вторая рука продолжала машинально перебирать четки.

— Я тоже не хороший человек?

На моем бледном лице появилась вымученная, неловкая улыбка:

— Мо Шанцин... тьфу ты, господин Мо, прошу прощения. Я, Сюй Тай, человек грубый, высоких манер не знаю, границ не чувствую. Если чем обидел — будьте великодушны! А хороший вы или плохой — мне неизвестно. Вы сами лучше всех знаете, искренни вы со мной или, как говорят другие, преследуете лишь свои цели ради Картины Трех Учений и Короля Злых Призраков. Мне все равно, я не принимаю это близко к сердцу. За пятнадцать-шестнадцать лет жизни я привык к предательствам и разлукам, одним больше, одним меньше — неважно. Тех, кто предал меня, я буду ненавидеть всю жизнь, а тех, кто помог — помнить до гроба.

Не знаю, откуда взялась смелость говорить с ним так прямо. Все обиды и горести, копившиеся годами, вырвались наружу, как воздух из лопнувшего шара. Но после этих слов я почувствовал, что мне трудно даже просто стоять. Не то от избытка чувств, не то от страха, ноги предательски дрожали. Я чувствовал себя так, словно только что прошел Великий поход в двадцать пять тысяч ли и превратился в калеку, готового вот-вот рухнуть.

— Если я могу остаться в твоём сердце, то какая разница, праведник я или злодей? Добр я или зол? Ненавидь меня всю жизнь или помни — это твой выбор, по крайней мере, это значит, что ты меня не забыл. К тому же, это не те правила, которые обязаны соблюдать все. Я просто не хочу видеть, как потомок старейшин Шести врат устраивает балаган в родовом храме, и не хочу безучастно смотреть, как человек, который когда-то готов был умереть ради меня, погружается в бездну, как мой некогда чистый душой друг и близкий человек опускается во тьму. Я просто хочу вытянуть тебя оттуда. — В его взгляде сквозила глубокая печаль, но в то же время чувствовалась какая-то непоколебимая сила. — Чэнь Си... то есть... Сюй Тай, почему ты стал таким чужим? Почему ты так внезапно изменился?

— Вот видишь... в твоей голове вечно этот Чэнь Си. Ты всегда ждал не меня, Сюй Тая. Чего ты еще хочешь? Чтобы все вокруг смеялись надо мной? — В голове словно прогремел гром. Почему? Что меня задело больше: то, что он назвал меня чужим именем, или эта фраза о том, что я внезапно изменился? Уголок моего рта нервно дернулся.

Ха, дурак, ты ведь просто привязался к этому странному человеку по имени Мо Шанцин. Ты боишься потерять его, но боишься и его лжи, его предательства. Больше всего ты боишься, что он разделит судьбу отца или Хэ Сяожань.

Я наконец показал свое истинное лицо. Отбросив недавнюю мягкость, я нацепил ту самую лицемерную улыбку, с которой обычно встречал людей:

— Я же сказал, господин, вы ошиблись человеком. Я Сюй Тай, никакого Чэнь Си здесь нет. Видимо, ваш разум за шестнадцать лет окончательно заржавел. И я никогда не менялся. С тех

пор как один лжец украл мое сердце, я насквозь пропитался ложью и фальшью. Дам тебе совет: твоя холодность не поможет тебе достичь цели, а вот мое лицемерие способно снести любые преграды.

Он остолбенел и замолчал.

Спустя некоторое время он, стоявший лицом к выходу, вдруг повернулся ко мне, перекрыв тот крошечный лучик света, которым я жадно пытался согреться.

— Я не ошибся. Это дело чрезвычайной важности. Кто завязал узел, тот должен его и развязать — твой отец сам должен тебе все объяснить.

Я резко обернулся и с издевкой хмыкнул:

— Тот старик? Ха! Тот кусок мусора, что бросил жену и сына и умеет только бегать? Я не собираюсь его искать, да и, по правде говоря, найти его невозможно.

— Ты не хочешь узнать правду? Почему ты видишь призраков? Почему твой отец сбежал? Почему тебя зовут Суй Тай? Почему я ищу именно тебя, а не кого-то другого?

Его напор напугал меня. Я не знал, с чего начать, хотя, по правде говоря, меня мучили те же вопросы. Я понимал: стоит мне ступить на этот путь — и дороги назад не будет. Как только я ввяжусь, мне придется отвечать за свои поступки, и цена может оказаться непомерной — возможно, сама жизнь. Хочу ли я знать правду? Или это просто минутное любопытство? Я прекрасно знал, что любопытство сгубило кошку.

— Ищи кого хочешь, мне до этого дела нет.

Я чувствовал, как во мне борются две личности: одна — слабая и добрая, как ангел, другая — жестокая и беспощадная, как демон. Одна твердила об осторожности, о том, что, вступив в эту игру, я никогда не выберусь, другая подстрекала открыть этот ящик Пандоры. Они спорили до хрипоты, а самое страшное — эти вопросы, как крючья смерти, звучали в ушах, словно заклинания, изгоняющие демонов, превращая меня в неприкаянного духа.

Я знал, что это проделки моих внутренних демонов, но не понимал, почему выплескиваю всю ярость именно на Мо Юя. Я обхватил голову руками, присел на корточки, а потом резко вскочил. Голова закружилась, перед глазами поплыли черные пятна, и я, должно быть, выглядел как чахлый, болезненный книжник.

Пошатнувшись, я пришел в себя. Мой враждебный взгляд был лишь попыткой скрыть беспомощность и замешательство.

— Довольно! Чего ты хочешь? Кем ты себя возомнил?

Видя, что я вне себя от ярости, он ответил подчеркнуто спокойно:

— Кроме тебя, мне ничего не нужно.

Ха, я рассмеялся — сухим, безжизненным смехом.

— И ради чего я тогда тебя ждал? Если тебе нужен был просто обычный смертный, чтобы играть с ним, как с домашним зверьком, — оставь меня в покое. Я не твоя собака. А если ты пришел, чтобы насмехаться или использовать меня — то я не какой-то инструмент!

— Я не искал тебя. Ты сам пришел сюда.

— Ха! Хорошо, я ошибся, у меня помутился рассудок, раз я приперся в это богом забытое место! — Я ткнул в него пальцем и разразился бранью. Позже я думал: почему я так разозлился? Потому что он обесценил все мои знания по психологии? Потому что он заставил меня ждать так долго и даже не извинился? Или... на самом деле я и сам не знал почему.

Простояв так некоторое время, я, опасаясь, что выдам себя еще сильнее, молча развернулся и пошел прочь. Когда я вышел из храма, оказалось, что уже наступило утро. Я вздрогнул от внезапно ударившего в глаза солнечного света; многолетняя тьма в моей душе, словно поднятая пыль, пришла в движение, разлетаясь в разные стороны, потому что ей негде было укрыться.

— Суй Тай, я буду ждать тебя. — Эти слова, долетевшие до моих ушей, звучали так нежно и волнующе.

Я не обернулся. Все равно у него вечно каменное лицо, обернусь — будет только неловко. Поэтому я лишь на секунду замедлил шаг, сжал кулаки и решительно зашагал прочь.

— Дверь открыта, не нужно лезть через стену.

Он все-таки пошел за мной и теперь стоял у меня за спиной, наблюдая, как я, неуклюже цепляясь руками, карабкаюсь на стену, словно медведь в зоопарке, пытающийся дотянуться до подачки туристов. Мне самому было смешно, а уж каково было ему — даже думать не хотелось. Я потерял лицо. В его присутствии не стоило и мечтать о каком-то авторитете. Мой первый эксперимент по «чтению людей» с треском провалился.

Все было совсем не так, как во сне. Он не улыбался, я не плакал. Он был спокоен, как родниковая вода, я же пылал, как лесной пожар.

Сидя в машине по пути домой, я глупо улыбался. Таксист смотрел на меня как на сумасшедшего и чуть было не отвез в больницу. Смутившись, я перестал улыбаться и подумал про себя: что же со мной происходит?

<http://bllate.org/book/22324/2338172>